

И.В. ВОЛКОВА¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДРОСТКОВОГО БУЛЛИНГА И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена формулировке русскоязычного определения понятия подросткового буллинга на основе характерных черт, присущих таким ситуациям. К таким чертам относятся неоднократность совершения, нанесение вреда и умышленность этого действия, а также злоупотребление обидчика своим превосходством над жертвой. Необходимо отметить, что последняя характеристика неявно подразумевает отсутствие контроля со стороны жертвы над ситуацией и, как следствие, невозможность её покинуть. Эти характеристики присущи всем разновидностям буллинга. Существует несколько оснований для классификации видов буллинга. Виды буллинга выделяют по характеристикам объекта насилия, например, полу, возрасту, национальности (подростковый буллинг, буллинг против женщин), по среде распространения (например, школьный, родительский, кибербуллинг), по характеру насильственных действий (физический, вербальный и социальный буллинг).

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, определение.

I.V. VOLKOVA¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

CHARACTERISTICS OF TEENAGE BULLYING AND ITS DEFINITION

Abstract. Current article is dedicated to definition of bullying in Russian, taking into account characteristics such as repetition, harm, intent and power imbalance between bully and victim. Implicitly, power imbalance also includes lack of control over the situation for victim. These characteristics can be traced in all types of bullying. There are three possible bases for classification of bullying: characteristics of subject such as age, gender, nationality etc. (teenage bullying, bullying against women), process environment (home bullying, school bullying, cyberbullying), and type of abusive behavior (physical, verbal and social bullying).

Keywords: bullying, school aggression, definition.

В первое десятилетие 21 века в научных публикациях, в материалах средств массовой информации, в общественном сознании прослеживается устойчивая тенденция обозначения негативной динамики социального развития детей и подростков. В ежегодных государственных докладах «О положении детей в Российской Федерации» приводятся статистические данные, характеризующие критическое положение детей в современной России: рост количества детей, оставшихся без попечения родителей; рост количества детей с задержкой психического развития; высокий уровень количества детей и подростков, совершивших преступления и стоящих на учете в подразделениях по предупреждению правонарушений несовершеннолетних; рост наркомании и алкоголизма среди несовершеннолетних. По данным Росстата за 2013 г., при общей численности детского населения в 29 969 000 человек 89 053 ребенка были признаны потерпевшими в различных преступлениях (3,36%), 5 881 359 детей обратились в центры социального обслуживания семей (19,62%), было выявлено 333 950 нарушений прав несовершеннолетних [2]. Распространенность случаев насилия над детьми в России, по данным разных источников, составляет от 3% до 60% от общего количества детского населения в зависимости от форм и

видов насилия – сексуального, физического, психологического, информационного, пренебрежения основными нуждами детей.

Как правило, насилие над детьми редко имеет характер единичных эпизодов. Насилие – это повторяющееся явление. Более того, ребенок, ставший жертвой насилия дома, часто становится жертвой насилия и в школе, среди сверстников. Его поведение в общественных местах также отличается либо высокой склонностью к риску, либо провоцирует окружающих на агрессивные или пренебрежительные поступки. В исследованиях американского психолога Дэвида Финкельхора убедительно показано, что поливиктимизация является отличительной особенностью именно насилия над детьми. Например, физическое насилие, преследования сверстников, преступления против собственности, постоянное насилие в семье ребенок может иметь в своем опыте как одновременное и постоянное травмирующее воздействие. В исследованиях Д. Финкельхора показано, что 22% детей в возрасте от 2 до 17 лет подвергались четырем и более видам насилия в течение одного года. В результате таких воздействий травма, которую получает ребенок, приводит к физическим, психологическим, личностным и социальным нарушениям в развитии детей. Исследования поливиктимизации и в целом последствий насилия для развития личности ребенка составляют, пожалуй, самое весомое направление научных исследований, содержащее обширный фактологический материал о влиянии насилия на развитие личности ребенка. Общие заключения этих исследований сводятся к следующим положениям.

1. Самое серьезное воздействие насилие оказывает на самосознание ребенка: самосознание становится неопределенным, размытым, а порой противоречивым и разорванным во времени; отмечается гипервыраженное представление о себе как о жертве, преувеличенное (или преуменьшенное, практически исключенное) представление о тех частях своего тела, которые были в центре событий; самооценка становится низкой; ребенок постоянно переживает чувство вины, стыда, собственной неполноценности.

2. В результате насилия происходит неконструктивная трансформация мировоззренческой и мотивационно-смысловой сферы ребенка. Если при нормальном развитии для ребенка характерны высокий познавательный интерес, жизнелюбие и открытость внешнему миру, то ребенок, пострадавший от насильственных действий, характеризуется боязливостью, замкнутостью. Это влияет на формирующуюся картину мира ребенка который окружающую действительность начинает рассматривать не как интересную – неинтересную, красивую – некрасивую, а как опасную – безопасную. Смещение смыслового вектора в сторону поисков наиболее безопасных способов жизни перестраивает направление и выражение активности ребенка: появляется тенденция амотивированности в поведении, в учебной и игровой деятельности («ничего не хочу»), исчезает инициатива, снижается собственная ответственность за выбор и совершенные поступки.

3. Установки, формирующиеся у ребенка в результате насилия, часто имеют деструктивный характер. Так, ребенок, которого бьют, укрепляется во мнении о допустимости и даже необходимости наказаний в такой форме, о праве физически сильного человека на неограниченную власть и контроль, о физическом насилии как наиболее действенном способе достижения цели.

4. Особое место в поведении пострадавших детей занимают случаи проявления эмоциональной усталости и глухоты при столкновениях с ситуациями чужого горя, боли, беды. Дети все чаще скорее с любопытством, чем страхом или возмущением, наблюдают сцены страданий другого человека или животных в реальной или виртуальной жизни. Психологи отмечают, что такое нарушение эмоционального развития связано с непониманием тех чувств, которые переживает другой человек, с неразвитостью и эмоциональной инфантильностью ребенка.

5. Серьезными являются нарушения во взаимодействии и общении детей. Бескорыстие и взаимопомощь дружбы у пострадавшего ребенка может подменяться

комфортом в общении с другим человеком, а также его полезностью и перспективностью для достижения целей. Для таких детей характерны отчужденность, замкнутость или, напротив, гипертрофированный страх одиночества, навязывание себя другим, заискивающее поведение, стремление любой ценой удержать общение с другим человеком.

Эти особенности характерны в большей степени для нарушения личностного развития в подростковом возрасте. Поэтому исследователи выделяют изучение проблемы насилия над подростками в качестве специальной проблемы. Чаще всего при исследовании поведения подростков рассматривают различные формы деструктивного поведения, среди которых особое место занимает буллинг – относительно новое в научной литературе социальное явление, связанное с насильственными действиями детей и подростков в отношении других детей и подростков-сверстников, младших или старших. Несмотря на то, что симптоматика и причины подростковых девиаций традиционно являются предметом психологических, педагогических, криминологических исследований, остается неясным вопрос о психологических механизмах деструктивного поведения детей и подростков в динамично изменяющемся современном обществе, о причинах подросткового буллинга и, как следствие, наиболее эффективных педагогических и социальных технологиях, работающих с этой проблемой.

Исследования проблемы буллинга в психологии начались после публикации в 1970-х годах норвежского ученого Д. Олвеуса [10], и с конца 1980-х годов вопросы определения, причин, факторов, последствий, личностных особенностей, профилактики, предотвращения и вмешательства в ситуации буллинга вызывают нарастающий интерес как в западной науке, так и в практике [5]. Российские специалисты обратились к проблеме буллинга почти на десятилетие позже своих зарубежных коллег, однако с начала 2000-х годов все больше исследователей публикуют работы на непосредственно связанные с буллингом темы (например, работы В.Р. Петросянц, М.Г. Нечаевой, И.С. Бердышева, В.И. Вишневской, И.С. Кона, Д.А. Кутузовой, О. Маланцевой, А.А. Стрельбицкой, Е.И. Файнштейн).

Одной из основных трудностей, связанных с исследованием буллинга, является отсутствие общепринятого определения этого явления, что в свою очередь затрудняет разработку эффективных педагогических и социальных технологий борьбы с этим явлением. Основная цель данной статьи¹ – описать характерные черты, присущие подростковому буллингу, и сформулировать его рабочее определение.

Основной смысловой комплекс понятия буллинга можно было бы свести к проявлению агрессии одних подростков по отношению к другому, отдельные аспекты требуют уточнения. Так, ряд исследователей считают буллингом действия, совершенные в составе группы, при наличии других действующих лиц, кроме жертвы и обидчика. В этом смысле он сближается с понятием «моббинг» в исследованиях П.-П. Хайнеманна [20], который можно описать как нападение группы детей на ребенка, мешающего ей. Подобное объединение в банды сейчас рассматривают как один из видов буллинга [4] (Elliott 2003). Другие авторы допускают и возможность буллинга со стороны одного обидчика, отличая его при этом от драки намерением подчинить, унижить жертву [11,14].

Классическим считается определение, предложенное Д. Олвеусом: «Ученик подвергается буллингу или является жертвой, когда он или она становятся целью неоднократных и периодических негативных действий со стороны одного или нескольких учеников» [11]. Это определение, в целом, до сих пор сохраняет актуальность, хотя за последние годы к нему появились существенные дополнения. Например, оно не охватывает такой важной характерной черты, как ощущение неравенства между обидчиком и жертвой [16], а определение действий обидчика как «негативных» не содержит указаний на их преднамеренный характер.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-06-10575 «Исследование средовых и личностных детерминант подросткового буллинга»)

Более всеобъемлющий характер носит определение Е. Роланда: «Буллинг представляет собой длительное физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации» [19]. Мы будем отталкиваться от этого определения, однако, чтобы точнее описать процесс, обратимся к ключевым характеристикам, которые прослеживаются при исследованиях буллинга:

1. Неоднократность и/или периодичность

В отличие от единичных актов агрессии, буллинг предполагает, что обидчик не только способен навредить жертве здесь и сейчас, но и потенциально может быть опасен для жертвы в будущем [8]. Жертва, таким образом, находится в постоянном тревожном ожидании того, что же обидчик будет делать дальше, и, следовательно, может попытаться уклониться от встречи с обидчиком, если это поможет избежать угрозы [13]. Для обидчика, в свою очередь, такое поведение может служить подкреплением агрессии.

2. Умысел

От случайных, непреднамеренных актов агрессии буллинг отличается стремлением обидчика расстроить, унижить или иначе навредить жертве [1]. Иными словами, обидчик отдаёт себе отчет в том, что его действия с большой вероятностью негативно скажутся на жертве, физически или психологически. Кроме того, его целью нередко бывает понижение статуса жертвы ради повышения собственного в группе сверстников.

3. Нанесение вреда

Как одна из форм насилия, буллинг непосредственно направлен на причинение физического [3] или психологического [17] вреда жертве, её эмоциональному состоянию, здоровью, благополучию. Жертвы буллинга еще с детского возраста испытывают депрессию, тревожность, стремление навредить себе и суицидальные позывы [9]. По уровню выраженности психологических проблем жертвы буллинга приближаются к жертвам насилия над детьми. В случае, если ребенок подвергается и насилию, и буллингу, они взаимно усиливают эффекты друг друга, причем отношения со сверстниками выступают медиатором связи между жестоким обращением и депрессией. Можно говорить о том, что для жертвы буллинга, и без того склонной к тревожности и самообвинениям, травля становится очередным подтверждением собственной слабости и некомпетентности, подкрепляя низкую самооценку, депрессию и другие проблемы. Косвенным образом, страдают также и сам обидчик, и свидетели. Обидчики при достижении 20 лет чаще участвуют в преступлениях, чем свидетели и жертвы [18]. Также к страшим классам они чаще употребляют наркотики и алкоголь [7]. Однако они не страдают от депрессии, тревожности, панических расстройств, антисоциального расстройства личности [2]. Похоже, что обидчики привыкают использовать силу для достижения своих целей, что во взрослой жизни часто приводит к конфликтным ситуациям в обществе. Хотя они обладают способностью продавить или запугать свое ближайшее окружение, обидчики не способны адаптироваться в более широком общественном контексте, и вынуждены совершать преступления, чтобы добиться своих целей. Возможно, именно в этом заключается одна из причин падения распространенности буллинга в старших классах, когда подростки уже понимают, что агрессия не является социально одобряемым методом воздействия, и как следствие реже её используют. Ситуация буллинга сказывается и на свидетелях. По крайней мере часть из них признается, что вынуждена была смотреть, но не вмешиваться, если насилие совершалось над другим учеником. Это вызывало в них чувство собственного бессилия [19]. Другие либо в тайне поддерживали обидчиков, то есть могут стать обидчиками в будущем, либо хотели помочь, но ничего не делали, что показывает у свидетелей высокий уровень конформизма, даже при условии конфликта общественного мнения с их собственным. Такие дети привыкают молчаливо соглашаться с несправедливостью,

которая творится вокруг, не только подкрепляя агрессию, но и игнорируя собственные ценности в пользу обидчика.

4. Злоупотребление силой или влиянием

От других видов агрессивного поведения буллинг отличается злоупотребление силой, когда обидчик использует свое фактическое или кажущееся превосходство для того, чтобы причинить вред жертве [16]. Влияние обидчика может быть основано на физическом превосходстве, социальной компетентности, остроумии, уверенности в себе, возрасте, поле, расе, национальности, экономическом положении или уровне образования [11,15]. Вероятно, оценка превосходства сил обидчика проводится внутри группы для конкретной ситуации, причем жертвы и свидетели почти в два раза чаще, чем сами обидчики, отмечают, что обидчики были сильнее или влиятельнее [14]. При этом обычно буллинг происходит между ровесниками и/или одноклассниками [11]. Таким образом, буллинг выступает методом утверждения и удержания положения в группе сверстников. В стремлении доминировать обидчики выбирают самый примитивный способ воздействия на ситуацию – агрессию и подавление жертвы. Некоторые из обидчиков даже идут на примирение со своими жертвами, если жертва четко выразила свое подчиненное по отношению к обидчику положение [15].

Следует отметить, что злоупотребление влиянием имплицитно включает в себя ещё одну характеристику, которую периодически упоминают в исследованиях буллинга. Для жертвы доминирование обидчика в ситуации, а также его злонамеренность означает отсутствие контроля, т.е. невозможность выйти за пределы ситуации или покинуть её. Жертва вынуждена реагировать на действия обидчика. Этим жертва коренным образом отличается от свидетелей, которые даже при худших сценариях способны выбирать свое поведение.

Эти черты характерны для всех разновидностей буллинга. В настоящее время используются три основания для классификации видов и типов буллинга, в соответствии с которыми разрабатываются и внедряются специализированные исследовательские программы, программы помощи и профилактики.

Первая типология основана на характеристиках объекта насилия. К таким характеристикам могут относиться возраст (подростковый буллинг), пол (буллинг над женщинами), состояние (буллинг над инвалидами), этническая принадлежность, социальный статус и др.

Вторым основанием для классификации может быть выбрана та социальная среда или сфера, в которой совершается буллинг. С этой точки зрения различают буллинг в семье (родительский), в школе (школьная травля), буллинг на рабочем месте. Кибербуллингом называют травлю, которая происходит через телефон, Интернет, электронную почту, иными словами, в пространстве виртуальной жизни человека. Здесь так же, как и в открытом, непосредственном столкновении, жертву могут запугивать, насмехаться, изолировать, украсть личные данные или сделать невозможным доступ к странице. В этом контексте имеет смысл противопоставлять кибербуллинг и непосредственно травлю лицом к лицу. В ситуации кибербуллинга обидчик способен сохранять анонимность, получая больше контроля над ситуацией и уменьшая риск наказания. Тревога жертвы возрастает, так как неизвестно, откуда ждать удара. При этом зачастую обидчики знакомы со своими жертвами не только в Интернете [12].

Третья классификация основана на характере насильственных действий. Различают физический, вербальный и социальный буллинг. Физический буллинг предполагает, что жертва подвергается физическим нападениям со стороны обидчика. Вербальная разновидность включает в себя унижения, насмешки, угрозы, клевету; социальная – игнорирование, исключение из группы, воровство или порчу имущества жертвы.

Таким образом, подростковым буллингом можно называть неоднократное умышленное нанесение вреда одним подростком или группой другому подростку, который в

данной ситуации оказывается не способным себя защитить и лишен возможности её покинуть. Умышленность (намеренность) нанесения вреда одним подростком или группой подростков другим детям, предполагает осознание обидчиками ненормативности своего поведения и одновременно его целенаправленного характера с возможным пониманием причин и последствий ущерба. В ситуации буллинга дети-жертвы и часто дети-свидетели буллинга не имеют возможности самостоятельно покинуть угрожающую ситуацию, преследования носят характер повторяющихся действий и определяют контекст жизни ребенка. Это важно не только в случае непосредственных агрессивных действий в школе или на улице, но и в ситуации преследования с помощью сети Интернет. Отличительной особенностью буллинга является желание обидчиков контролировать ситуацию и поведение жертвы. В отличие от ситуативной агрессии, которая может выступать как форма экспериментального социального поведения подростков, буллинг – это устойчивый способ утверждения статуса и доминирования в подростковой группе. Таким образом, от ситуативной агрессии буллинг отличается неоднократностью, намеренностью унижений и желанием обидчика доминировать, чтобы укрепить свое положение в группе. Как и в других видах насилия, жертва оказывается бессильна сопротивляться и плохо контролирует ситуацию. Эти особенности присущи всем видам (физическому, социальному и вербальному) и формам (лицом к лицу, в виртуальном пространстве) буллинга.

Следует подчеркнуть, что разрушительные для развития личности последствия подросткового буллинга присущи не только жертвам, но и в не меньшей степени обидчикам и свидетелям буллинга. Это системное воздействие на подростковую группу и подростковое сообщество в целом.

Мы полагаем, что изучение подросткового буллинга должно включать в себя как изучение особенностей подростков-обидчиков, так и жертв и свидетелей в контексте намерений, целей, потребности в доминировании, степени и содержания субъективного контроля, эмоциональных переживаний. Важное значение при исследовании буллинга имеет изучение групповых процессов в подростковой группе и возможностей для участников буллинга избегать травматических ситуаций. Характер и содержание контекста жизни подростков вне ситуации буллинга: отношения в семье, наличие другой, защитной подростковой группы, общий контекст жизни и отношение к буллингу в образовательном учреждении – также должны быть включены в исследовательскую ситуацию. Такой подход открывает возможности определения основных направлений разработки программ психологической, педагогической и социальной помощи подросткам – жертвам, свидетелям и обидчикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anderson C.A., Bushman B.J. «Human Aggression» // *Annual Review of Psychology*. 2002: 27-51.
2. Copeland W.E., Wolke D., Angold A., Costello E.J. Adult psychiatric outcomes of bullying and being bullied by peers in childhood and adolescence // *Journal of American association psychiatry*, 2013: 419-426.
3. Dussich J.P., Maekoya C. «Physical child harm and bullying-related behaviors: A comparative study in Japan, South Africa, and the United States // *International journal of offender therapy and comparative criminology* , 2007.
4. Elliott G.P. *School Mobbing and Emotional Abuse: See It - Stop It - Prevent It (with dignity and respect)*. New York: Taylor & Francis, 2003.
5. Gladden R.M., Vivolo-Kantor A.M., Hamburger M.E., & Lumpkin C.D. *Bullying surveillance among youths: uniform definitions for public health and recommended data elements Version 1*. Atlanta, GA: National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention and U.S. Department of Education, 2014.

6. Goldsmid S., Howie P. «Bullying by definition: an examination of definitional components of bullying.» *Emotional and Behavioural Difficulties* 2, № 19 (2014): 210-225.
7. Kim, M.J. Catalano R.F., Haggerty K.P., Abbott R.D. «Bullying in elementary school and problem behavior in adulthood: A study of bullying, violence and substance use from age 11 to age 21» // *Criminal behavior and mental health*, 2011: 136-144.
8. Lee C. Exploring Teacher's Definitions of Bullying // *Emotional and Behavioural Difficulties*, 2006: 61-75.
9. Lereya S.T., Copeland W.T., Costello E.J., Wolke D. Adult mental health consequences of peer bullying and maltreatment in childhood: two cohorts in two countries // *Lancet psychiatry*, 2015.
10. Olweus D. *Aggression in the schools: Bullies and whipping boys*. London, UK: Hemisphere, 1978.
11. Olweus D. *Bullying in schools: what we know and what we can do*. Oxford, UK: Blackwell, 1993.
12. Patchin J.W., Hinduja S. «Measuring cyberbullying: implication for research // *Aggression and violent behavior*, 2015: 69-74.
13. Randa R., Wilcox P. Avoidance at school further specifying the influence of disorder, victimization, and fear // *Youth violence and juvenile justice*, 2012: 190-204.
14. Rodkin, P.C., Espelage, D.L., Hanish L.D. A relational framework for understanding bullying: developmental antecedents and outcomes // *American Psychologist*. 70. №4 (2015).
15. Roland E. Bullying: the Scandinavian research tradition // В *Bullying in schools*, создатель Lane D.A. Tattum D.P., 21-32. Stroke-on-Tent: Trentham, 1989.
16. Salmivalli C., Nieminen N. Proactive and Reactive Aggression Among School Bullies, Victims, and Bully-Victims // *Aggressive behaviour*, № 28 (2002): 30-44.
17. Schneider S.K., O'Donnell L., Stueve L., Coulter R.W. «Cyberbullying, school bullying and psychological distress: a regional census of high school students.» *American journal of public health*, 2012: 171-177.
18. Sourander A., Ronning J., Brunstein-Klomek A., Gyllenberg, D., Kumpulainen K., Niemela S., ... Almqvist F. «Childhood bullying behavior and later psychiatric hospital and psychopharmacological treatment: Findings for the Finnish 1981 birth cohort study.» *Archives of general psychiatry*, 2009: 1005-10012.
19. Лейн Д.А., Миллер Д.А., Лейн Э. Школьная травля (буллинг) // *Детская и подростковая психотерапия*. Санкт-Петербург: Питер, 2001.
20. Петросянц В.Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: *дисс. ... канд. псих. наук*. Санкт-Петербург, 2011.

REFERENCES

1. Anderson C.A., Bushman B.J. «Human Aggression» // *Annual Review of Psychology*. 2002: 27-51.
2. Copeland W.E., Wolke D., Angold A., Costello E.J. Adult psychiatric outcomes of bullying and being bullied by peers in childhood and adolescence // *Journal of American association psychiatry*, 2013: 419-426.
3. Dussich J.P., Maekoya C. «Physical child harm and bullying-related behaviors: A comparative study in Japan, South Africa, and the United States // *International journal of offender therapy and comparative criminology*, 2007.
4. Elliott G.P. *School Mobbing and Emotional Abuse: See It - Stop It - Prevent It (with dignity and respect)*. New York: Taylor & Francis, 2003.
5. Gladden R.M., Vivolo-Kantor A.M., Hamburger M.E., & Lumpkin C.D. *Bullying surveillance among youths: uniform definitions for public health and recommended data elements Version 1*. Atlanta, GA: National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention and U.S. Department of Education, 2014.

6. Goldsmid S., Howie P. «Bullying by definition: an examination of definitional components of bullying.» *Emotional and Behavioural Difficulties* 2, № 19 (2014): 210-225.
7. Kim, M.J. Catalano R.F., Haggerty K.P., Abbott R.D. «Bullying in elementary school and problem behavior in adulthood: A study of bullying, violence and substance use from age 11 to age 21» // *Criminal behavior and mental health*, 2011: 136-144.
8. Lee C. Exploring Teacher's Definitions of Bullying // *Emotional and Behavioural Difficulties*, 2006: 61-75.
9. Lereya S.T., Copeland W.T., Costello E.J., Wolke D. Adult mental health consequences of peer bullying and maltreatment in childhood: two cohorts in two countries // *Lancet psychiatry*, 2015.
10. Olweus D. *Aggression in the schools: Bullies and whipping boys*. London, UK: Hemisphere, 1978.
11. Olweus D. *Bullying in schools: what we know and what we can do*. Oxford, UK: Blackwell, 1993.
12. Patchin J.W., Hinduja S. «Measuring cyberbullying: implication for research // *Aggression and violent behavior*, 2015: 69-74.
13. Randa R., Wilcox P. Avoidance at school further specifying the influence of disorder, victimization, and fear // *Youth violence and juvenile justice*, 2012: 190-204.
14. Rodkin, P.C., Espelage, D.L., Hanish L.D. A relational framework for understanding bullying: developmental antecedents and outcomes // *American Psychologist*. 70. №4 (2015).
15. Roland E. Bullying: the Scandinavian research tradition // В *Bullying in schools*, создатель Lane D.A. Tattum D.P., 21-32. Stroke-on-Tent: Trentham, 1989.
16. Salmivalli C., Nieminen N. Proactive and Reactive Aggression Among School Bullies, Victims, and Bully-Victims // *Aggressive behaviour*, № 28 (2002): 30-44.
17. Schneider S.K., O'Donnell L., Stueve L., Coulter R.W. «Cyberbullying, school bullying and psychological distress: a regional census of high school students.» *American journal of public health*, 2012: 171-177.
18. Sourander A., Ronning J., Brunstein-Klomek A., Gyllenberg, D., Kumpulainen K., Niemela S., ... Almqvist F. «Childhood bullying behavior and later psychiatric hospital and psychopharmacological treatment: Findings for the Finnish 1981 birth cohort study.» *Archives of general psychiatry*, 2009: 1005-10012.
19. Lejn D.A., Miller D.A., Lejn Je. *Shkol'naja travlja (bulling) [School baiting (bullying)]*. St.Petersburg, Piter. 2001 (in Russian).
20. Petrosjanc V.R. *Psihologicheskaja harakteristika starsheklasnikov, uchastnikov bullinga v obrazovatel'noj srede, i ih zhiznestojkost'*. Diss. kand. psih. nauk [Petrosyants VR Psychological characteristics starsheklasnikov, participants in bullying in the educational environment, and their viability. Cand. crazy. sci.]. St.Petersburg, 2011 (in Russian).

© Волкова И.В., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Ирина Владимировна – инженер-исследователь факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: atila@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Volkova Irina Vladimirovna – researcher, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: atila@mail.ru